

На вкус и цвет...

Лошадь сказала, взглянув на верблюда:
«Какая гигантская лошадь-ублюдок».
Верблюд же вскричал: «Да лошадь разве ты?!
Ты просто-напросто – верблюд недоразвитый».
И знал лишь Бог седобородый,
Что это – животные разной породы.
/ В. Маяковский «Стихи о разнице вкусов» /

С младых лет Петра Гаврюшкина интересовали только натуральные блондинки с длинными волосами. Если в детском саду их количество преобладало над брюнетками, шатенками и рыжими, то в школе, особенно во второй половине, их количество резко поубавилось. И желание остричь волосы – не было основной причиной: девочки-подростки стали темнеть на глазах, превращаясь в русоволосых и неказисто-бесцветных.

Поначалу Петя отчаялся – выбор таял на глазах, но затем успокоился – в меньшем количестве не затеряешься, как в густом лесу. Но ухаживать и признаваться в чувствах он не спешил. Пока ему хватало визуального наслаждения – он со стороны любовался тремя блондинками из своего класса. На чужих он не зарился.

К выпускному классу из трех белокурых красавиц осталась всего одна – Клавдия Крылова. А жаль... Петр предпочел бы ее подругу – Аксицию Швыреву. И не потому, что та была обладательницей тонюсенькой талии, которую хотелось обхватить двумя руками, и не потому что Акси хорошо училась и умела играть в шахматы. Причина была банальной – Швырева была миниатюрной, и рядом с ней коротышка Гаврюшкин смотрелся гигантом.

Собственная внешность Петю мало волновала. Его бабушка всегда утверждала, что мужчина, не похожий на обезьяну, уже красавец. Кое-какие сравнения с приматами внук в себе находил, а именно выдавали родственную связь излишне оттопыренные уши и близко посаженные глаза, но далее в сравнения не углублялся и старался свое изображение в зеркале критично не изучать. И, вообще, не тратить на это время. Он не девчонка, которая крутится перед зеркалом по несколько часов в день.

В Клавдии Крыловой Гаврюшкину не нравилось почти все: и пренебрежительная ухмылка, и гнусавый голос, и тупое хлопанье глазами у доски, когда учитель задает ей элементарный вопрос.

Но против прирожденных пристрастий не попрешь.

И пусть другим молодым людям нравятся тостушки, другим шатенки, третьим... девушки баскетбольного роста. На вкус и цвет, как известно, товарищей найти трудно... И что одному хорошо, то другому не пара...

Петька пытался внушить себе, что любит Аксицию Швыреву, невзирая на ее русый цвет волос. Закрывал глаза, вспоминал ее в прошлом виде, когда она была блондинкой, радовался, потом открывал глаза, и видение исчезало, унося с собой счастье, едва поселившееся в душе. Душевный подъем превращался в крутой спуск.

Потом начиналась вторая серия внушений – надо забыть все, что может оттолкнуть его от Крыловой. Он представлял Клавдию в образе маленькой феи с лучистыми добрыми глазами и мягким волнующим голосом. От этого видения слипалось во рту от сладости и хотелось пойти на кухню и слопать полбанки соленых огурцов.

Клава угнетала Петра. Не только морально, когда смотрела на него, как на пустое место, но и физически, когда грубо отодвигала его со своего пути. И еще кривилась при этом, словно едва не наступила на что-то отвратительно пахнущее и неприглядно выглядящее.

Как в такую можно влюбиться? – задумывался Гаврюшкин и тут заверял себя: Можно! Она же блондинка с длинными волосами!

Слова «блондинка» он произносил с благоговением. Если девушка блондинка, то она уже красавица, умница и обладательница прекрасного характера. Как у доброй феи.

Однажды Петя решил пофилософствовать с отцом на тему мужского роста. Надо сказать, что Гаврюшкин-старший имел рост-мечту для любого мужчины- карлика: один метр восемьдесят восемь сантиметров, превосходя собственного наследника на двадцать пять сантиметров.

Естественно, отец догадался о причине разглагольствований сына, не стал ходить «вокруг и около» и сказал, что сам в его годы был еще ниже, потом произошел бурный рост и к двадцати годам он забыл о своих комплексах.

Петька немного успокоился и решил перенести объяснение с Клавдией до той поры, пока он ее не перерастет. Посчитав философскую беседу завершенной, сын решил уйти, но отец успел пространно намекнуть, что иногда... высокие девушки предпочитают низкорослых мужчин. Чем внес сумбур в мысли едва успокоившегося отпрыска.

А если Крылова влюбилась в меня и ждет, когда я сделаю первый шаг? – подумал Петр. – Поэтому и смотрит на меня презрительно – осуждает за нерешительность. Все! Я созрел для разговора!..

На следующий день Гаврюшкин стоял в вестибюле школы и ждал появления Крыловой.

Весенняя погода располагала к объяснениям на улице, но беготня мелюзги и компании школьных сплетниц могли лишить парня боевого настроя, который и без того раскачивался в разные стороны, как коромысло на плече городской жительницы, решившей на себе испытать тяготы крестьянского труда.

Петька потел от переживаний, вытирал тыльной стороной ладони мокрый лоб, незаметно дул себе за пазуху, оттягивая сорочку двумя пальцами.

Он знал, что сегодня Клавдия в сопровождении своей подруги Аксиньи Швыревой не станет задерживаться на улице, а сразу зайдет в школу. Откуда у парня такая уверенность? Все благодаря наблюдательности. Вчера Крылова пришла в школу в обновках – в сногшибательной юбке в складку, в белой приталенной рубашке в тонкую полоску и в сабо на высоких каблуках. Последнее обстоятельно добило Гаврюшкина: теперь он едва доставал своей пассивности до подбородка. Новый прикид требовал монументального выхода и долгого пребывания на людях, которые обязаны по достоинству оценить этот прикид, после чего замертво пасть от зависти. Такие подиумные показы случались раз в неделю. В теплое время года они проходили на открытом воздухе, в холодное – в толкучке вестибюля, где с появлением Клавдии толпа расступалась подобно льдам под натиском ледокола. В остальное время, когда эпатировать публику было нечем, девушка не задерживалась на публике, но в класс не спешила – шла в столовую, брала стакан чая или чашку кофе и с томным видом женщины, повидавшей немало на своем веку, сидела за столом, перекинув ногу на ногу, и внимала речам подруги.

Петька не мог понять – что связывает этих двух девушек? Ему казалось, что болтающая без умолку Акси не стремится быть услышанной, а Клавдия не пытается делать вид, будто вникает в чужой монолог. Наверное, такая расстановка обеих устраивала.

При появлении в дверях Крыловой сердце в груди Гаврюшкина отчаянно заметалось, кисти рук, придерживающие лямки рюкзака вспотели и сползли вниз, как ребенок на скользкой горке, в результате плечи выдвинулись вперед и вверх, заключив в тиски шею. Как результат – Петька стал походить на экзотическую птицу. Птица непременно должна вытянуть носок одной ноги и медленно ее опустить, потом носок другой ноги и так же

медленно ее опустить, перемещаясь таким неординарным способом навстречу особи противоположного пола.

Скорее всего, Петр видел нечто подобное в программе «В мире животных», сработал инстинкт памяти, он в точности повторил заигрывание длинноногой птицы. Неординарное поведение привлекло внимание Клавдии, которая впервые заметила невысокого одноклассника, не желавшего компенсировать внешнюю непривлекательность ультрамодной одеждой.

Крылова и Швырева замерли в ожидании. Когда Петька вплотную приблизился к ним и посмотрел на длинноволосую блондинку снизу вверх преданными любящими глазами, боевой пыл угас, как костер, политый из пожарного рукава. Заранее заготовленное обращение вмиг забылось, Гаврюшкин залился бардовой краской и пожалел о том, что земля под ним не разверзлась.

Бардовое лицо на фоне ярко-рыжей головы впечатлило девушек. Акси не удержалась и осторожно дотронулась до щеки одноклассника, но тут же отдернула руку, словно обожглась. Петька не нашел ничего лучше, как подхватить на лету ее руку и изо всех сил подуть на нее.

- Сбрэндил! – заключила Клавдия и свела на переносице брови, выражая недовольство. Не так странным поведением Гаврюшкина, как его заботой о некрасивой подружке.

Крылова привыкла быть на «первых ролях», даже в случае с парнем, который кроме безразличия иных чувств не вызывал.

Вердикт блондинки вызвал трепет конечностей Петра, приведший «по цепочке» к тремору кисти Аксины. Неизвестно, чем бы закончилось подключение в невидимой электрической цепи, если бы Крылова не отключила подругу от источника и не увела за собой в сторону столовой.

Петр не сдался, уперся взглядом в спину Клавдии, как в путеводную звезду, и двинулся следом. Один раз девушки оглянулись, затем прибавили шаг и вскоре скрылись в столовой. Гаврюшкин заходить не стал. Следил за ними, стоя за стеклянными дверями, мысленно подбадривал себя и успокаивал.

Когда до начала первого урока осталось десять минут, подруги встали из-за стола и двинулись к выходу.

Петька приподнялся на носки, чтобы немного прибавить себе рост. Третьей точкой опоры он выбрал дверную ручку, доведя ее до крайнего нижнего положения.

Едва блондинка с длинными волосами показалась в дверном проеме столовой, парень выпалил на одном дыхании.

- Клавдия, мне надо с тобой серьезно поговорить!

Причем сказано это было тоном директора школы, который устал от выходов баловня-ученика.

- О чем? – испуганно прошептала девушка, опешившая от подобного обращения.

- Я тебя... - уверенно начал Гаврюшкин, наклоняясь в ее сторону, желая после признания сразу сорвать с уст возлюбленной поцелуй. Так всегда бывает. Петька не раз видел подобное в кино.

Но то в кино. В реальность вмешиваются непредвиденные обстоятельства.

Третья опора – ручка двери - под действием перемещений вперед привела в движение дверь, которая ударила по лбу зазевавшуюся Крылову. Растерявшийся одноклассник решил проверить физическое увечье, полученное по его вине, и дверь столовой, которая поначалу замедлила наступательное движение, продолжила его более решительно, заставив девушку пасть на мягкое место. В последний момент парень опомнился, выпустил ручку предательской двери и успел отпихнуть ее в сторону, но не удержался и рухнул сверху на Крылову.

Коридор огласился громким хохотом и нелюбезными замечаниями школьников, покинувших двор. Клавдия сбросила с себя шуплое тельце, как ненужное в летнюю пору одеяло, и подхватила на ноги, растеряв в пылу сражений новомодные сабо. На помощь пришла подруга, она быстро нашла разбросанную по сторонам обувь и протянула Крыловой. Но та не успела дотянуться, ее опередил сидящий на полу Гаврюшкин, который решил исправить положение и собственноручно передать сабо возлюбленной. Он ухватился за обувь двумя руками и перетянул на себя шуплую Швыреву. Хохот стал истерическим, кое-кто стал нервно подхрюкивать, чем довел веселящуюся компанию до животных коликов. Когда завуч по воспитательной работе появилась в конце коридора, на нее никто не обратил внимания. Сначала статная женщина преклонных лет хотела отыграться на школьниках за поведение своего зятя, который за завтраком разбил ее любимую чашку и успел ей нахамить перед уходом, но потом забыла о зяте, о прожженной утюгом юбке, о стрелке на чулках. Не дойдя нескольких шагов до двери столовой, дама замерла в позе завсегда захолустного музея, в котором неожиданно выставили на всеобщее обозрение шедевр из Лувра. Умиравшая от смеха компания школьников, нервно изгибающаяся в наклонах и прижимающая руки к животу, как люди, подхватившие кишечную инфекцию и с нетерпением ждущая своей очереди в туалет, обступила плотным кольцом... парочку, которая лежала на полу в двусмысленной позе, сцепив кисти руки над головами. Даже не кисти рук, а пару женской обуви, вызвавшей интерес у третьего участника - ученицы одиннадцатого класса Клавдии Крыловой, которая решила лишиться пару атрибута сексуальных игр. Девушка ухватилась за каблуки и потянула сабо на себя. Но лежащая на полу парочка не желала расставаться с обувью и поехала за физически развитой Крыловой. Спина молодого человека, его личность пока не была опознана завучем, исполнила роль полотера, не забывая увлекать за собой партнершу. Истерика в массах достигла наивысшей точки. Народ не просто покатывался со смеху, народ выл и качался, как группа деревьев под действием ураганного ветра.

Крылова не сдалась и снова потянула на себя сабо, прихватив заодно и упирающуюся пару. Доведенная до изнеможения веселая компания загудела, особо слабые ее представители рухнули на колени и скрючились в позе зародыша, продолжая издавать хлюпающие звуки.

- Прекратить! – завывала, как сирена, женщина.

Все вразной выполнили команду. Школьники успокоились и стали подниматься на ноги. Крылова, наконец, вырвала добычу у бесстыдной парочки, которая не спешила расставаться друг с другом. Завладев обувью, она занялась подругой и быстро вернула ее в вертикальное положение. Каково же было удивление завуча, когда она узнала в этой растрепанной особе гордость школы - победительницу всевозможных олимпиад Аксинью Швыреву, а в лежащем на полу парне - шахматного гения Петра Гаврюшкина.

- Немедленно оба ко мне в кабинет! – прошипела завуч и первой отправилась по указанному адресу.

Толпа мигом испарилась, заслышав звонок на урок.

Крылова привычно скривилась, будто до этого вместе с чаем проглотила таракана, продолжившего путь по организму.

- Гаврюша, ты урод! – прорычала она, вставила ноги в сабо и посеменила по коридору, не удостоив взглядом подругу.

Акси помогла Петьке подняться.

- Пойдем в кабинет завуча? – заинтересованно спросила она одноклассника, будто за ним было последнее слово.

С таким участием и вниманием с парнем разговаривали лишь в дни, когда была контрольная по алгебре. В остальное время он для всех был пустым местом. Петька

успокаивал себя тем, что над ним хотя бы не издеваются. Не замечают и ладно, это лучше, чем терпеть унижение. Тем более в присутствии блондинки с длинными волосами.

Завуч не стала читать мораль, приказала завтра прийти с родителями и отпустила их на урок.

Не сговариваясь, они проследовали в вестибюль, не заметили, как покинули стены школы и двинулись по улице.

Они брели по тротуару, смотрели себе под ноги и молчали.

Рыжий невысокий паренек и русоволосая миниатюрная девушка. Сзади они походили на двух подростков, которые впервые гуляют без сопровождения взрослых. Никто из них не решался заговорить первым.

Петька хотел восхититься теплыми днями, пришедшими на смену дождливой унылой весне, но не смог вымолвить ни слова, словно внезапно онемел.

- Ты ее любишь? – вдруг спросила Акси неискренне-безразличным голосом.

Гаврюшкин так привык к тишине, нарушаемой лишь возбужденным пением птиц, что не сразу понял – произнесенная фраза вырвалась у одноклассницы, бредущей рядом, а вопрос адресован ему.

- Люблю, – выдавил он из себя, не сбавляя и не убыстряя шаг. Он догадался, о ком идет речь. – Думаешь, она все поняла?

- Не знаю, – после раздумий сказала Швырева. Помолчала и с надеждой переспросила, – а ты уверен, что... любишь Клавдию?

- Уверен, – промямлил парень, непонятным образом чувствуя за собой вину.

- А почему ты ее любишь? – продолжала допытываться девушка.

- Потому что она натуральная блондинка с длинными волосами! – сразу нашелся ответ, который много лет лежал на поверхности.

- Значит, это не любовь, – со знанием дела протянула Акси. – Когда человек любит по-настоящему, он затруднится назвать причину. Он любит и все!

- Но прежде, чем мужчина полюбит женщину, она должна чем-то привлечь его внимание. Красивыми ногами, необыкновенной фигурой, летящей походкой...

- Я полюбил ее за ноги! – пафосно продекламировала Швырева.

- Сначала за ноги, потом поговорил и влюбился окончательно. – пробубнил Гаврюшкин, мысленно удивляясь своей разговорчивости.

- Из чего следует, что женщина с кривыми ногами, некрасивой фигурой и косолапой походкой не имеет шансов стать любимой?

- Ну, почему... – окончательно запутался Петя. – Наверное, имеет. Скорее всего, имеет. У нее есть другие достоинства, не поддающиеся визуальной оценке. Найдется мужчина, который сумеет их разглядеть.

- У нее прекрасный характер, она превосходная хозяйка, она умница, она владеет семью языками, – продолжала кривляться одноклассница. – А знаешь кто ты, Гаврюша? Ты синестетик! – зло бросила она.

Если сказать, что парень был удивлен это значит ничего не сказать. Впервые от девушки с богатым лексиконом он услышал нелитературное слово.

Мимика на лице парня сказало девушке о многом. Она стушевалась, затем решилась пояснить.

- Это не... ругательство. Неужели ты никогда не слышал о людях, которые обладают цветовым слухом. Они слышат букву «А» и утверждают, что она ярко-зеленого цвета или буро-малинового цвета. Когда синестетик ест конфету, он всегда слышит одну и ту же мелодию. Когда звучит фортепиано, его знобит, а игра на скрипке вызывает зевоту. Определенные звуки вызывают у синестетиков собственные ассоциации, причем у каждого свои.

- Какое ЭТО имеет отношение ко мне? – с вызовом спросил Петр.

- Синестетик может забыть имя девушки, но сразу ответит, что оно красное или фиолетовое. Что любовь пахнет фиалками или розами, не важно. Или... ассоциируется у него с обладательницей натуральных светлых волос определенной длины. Если она острижет волосы или надумает перекраситься, то любовь перетечет на другую блондинку, которая соответствует всем критериям. Пойми, у синестетика почти каждое слово вызывает зрительный образ. У тебя слово «любовь» вызывает образ Клавдии.
- Я... болен?
- Если тебя интересует, относится ли это отклонение от нормы к психическим заболеваниям, то спешу тебя успокоить – это не болезнь. Синестезия это субъективное и эмоциональное явление. На двадцать пять тысяч нормальных людей приходится один синестетик.
- Нормальных, - уцепился Петр за слово, которое способно перевернуть жизнь и разрушить все планы. – Акси, расскажи еще о синестетиках, - заискивающе попросил он, надеясь отгородиться от группы людей с отклонениями.
- Не понимаю, почему ты испугался? – передернула плечами девушка, задумалась, восстанавливая в памяти характерные черты синестетиков, и, наконец, стала перечислять.
- Они одиноки и закрыты. Как ты. Хорошо владеют обеими руками.
- Как я, - трагическим голосом заключил он.
- Иногда обладают телепатическими способностями.
- Не проверял! – с нотками пробуждающей надежды сказал Гаврюшкин.
- Хорошо запоминают расположение предметов, у них маниакальная страсть к порядку.
- Это про меня, - упадническим голосом подтвердил он.
- Синестетики плохо ориентируются в пространстве, не сильны в математике...
- А это полная чушь! – возликовал парень.
- Точно! – кивнула головой Швырева, - ты у нас первый математик в школе! Но это ничего не значит: одним свойственно заикливаться на цветовой гамме любви, другим быть полными профанами в точных науках...
- Но я воспринимаю буквы и цифры в цветах чернил, которыми они написаны, - резко перебил ее Петя. – И слово «любовь» не имеет цвета. Это просто слово, за которым скрываются чувства одного человека к другому.
- Разве можно любить человека, зная о его не просто безразличии, с этим еще можно смириться и попытаться исправить ситуацию, а о его презрении к тебе?
- Это Клава тебе сказала? – вздрогнул он.
- Ничего такого она мне не говорила! – скривилась Аксинья. – Крылова, вообще о тебе не вспоминает, а если произносит твою фамилию перед контрольной, то кроме пренебрежения...
- Я понял, - не дождавшись окончания, сообщил Гаврюшкин.
- И что ты намерен предпринять? – встрепенулась девушка, ожидая услышать заверение о внезапном охлаждении к ее жестокой подруге.
- Не знаю. Возможно не отступлю... Или попытаюсь излечиться от синестезии.
- От синестезии таблеток пока не изобрели. Но ты можешь попытаться перепрограммировать свой мозг. Задай другую программу! Допустим, внуши себе, что внешность женщины не имеет для тебя значения. Главное, как она относится к тебе и сколько извилин в ее голове. Таблицей умножения не ограничивайся.
- В какие рамки загнать ее ум? – воодушевился Петька, подтягивая лямки ненавистного рюкзака, с которого начались утренние приключения.
- Парню с изощренным логическим мышлением подойдет только круглая отличница! – уверенно заявила Швырева. – Пусть она тоже увлекается точными науками, чтобы им было о чем поговорить.

- Когда человек влюблен, ему хочется писать стихи – витать в облаках, а не приземляться, решая сверхсложные математические задачи, пусть и соприкасаясь головами с любимой девушкой.

- А что в этом плохого? – удивилась Акси. – Когда любишь, приятно не только соприкасаться головами, приятно просто сидеть рядом и молчать.

- Но нельзя влюбиться по заказу! Хочу полюбить... не блондинку, потому что с блондинками мне не везет, а н...невысокую хрупкую девушку, потому что я сам... н...небольшого роста, комплексующий по этому поводу, - слегка заикаясь, произнес Гаврюшкин, впервые высказав вслух претензии к собственному росту. – Пойми, Акси, любовь стандартов не имеет!

- Вот! – ткнула ему пальцем в грудь девушка, - ты сам себе противоречишь! Установил стандарт - она должна быть длинноволосой блондинкой и никого вокруг не замечаешь! - последнюю фразу Швырева произнесла со слезами в голосе.

Петр не заметил вспыхнувшей обиды, он погрузился в размышления.

Всегда найдется собеседник, готовый выслушать твои откровения, - думал Гаврюшкин. – Но зачем делиться тайнами, зачем выворачивать душу изнанкой наружу? Единство мнений не удержит слушателя от замечаний или от желания дать совет, о котором его не просят. В случае противоположности взглядов он попытается тебя разуверить – «вовлечь в свою веру»... О вкусах не спорят. Собеседник обязан уважать твое мнение. При условии, что он считает тебя неглупым человеком... Взять к примеру Акси. Она заявила, что я умен, тогда почему не хочет элементарно выслушать меня, а лезет с советами и награждает меня несуществующими отклонениями? Если я положительный во всех отношениях мужчина, то она, напротив, должна поспособствовать налаживанию наших с Клавдией отношений. Ведь подруге плохого не пожелаешь!

- О чем задумался? – спросила Швырева, совладав с обуреваемыми чувствами.

- Да так... о вкусах, - хмуро ответил Петя.

- На вкус и цвет товарищей нет! – задумчиво протянула Акси, с интересом изучая веснушчатое лицо парня.

Скользкая тема обещала вернуться, Гаврюшкин решил с нее мягко соскочить, переходя на личные вкусовые пристрастия.

- В детстве я любил манную кашу, а сейчас ненавижу. Еще год назад я обожал мясо, а сейчас предпочитаю рыбу.

- Рыба это хорошо, но в нашем возрасте в рационе должно присутствовать мясо, в нем содержится белок и витамины группы В, необходимые растущему организму.

- А если я не хочу есть мясо? Если меня от него воротит?

- Лучше бы тебя воротило от несносных блондинок, которые об тебя ноги вытирают. Человек не добьется уважения окружающих, если он сам себя не уважает! – в сердцах заявила девушка. – И не говори мне о любви! Любовью здесь не пахнет!

- А чем пахнет любовь? – заинтересовался парень, вдыхая ароматы весны, кружащие в нагретом воздухе.

- Чем пахнет? – задумалась Швырева. – Полевыми цветами!

Гаврюшкин опустил глаза, выискивая в свежей зеленой траве весенние лютики.

Кроме желтых клякс одуванчиков он ничего не заметил.

- Не думаю, что Клавдия будет рада одуванчикам, - пробубнил он себе под нос.

- Дурак ты, Гаврюша, - едва слышно сказала Акси, развернулась и торопливо пошла по тротуару...

На следующий день к завучу пришли мать Швыревой и отец Гаврюшкина. Они выслушали рассказ о возмутительном поведении их чад, которые решили... подраться у

всех на виду, а потом прогуляли уроки. Родители пообещали принять меры, чтобы впредь подобного не повторилось.

Мать Акси тут же забыла об обещании, дома ее ждал шестимесячный сын, брат Аксины, а отец Петра удивленно протянул.

- Ну, ты, брат, даешь?! В наше время за девушками так не ухаживали.

- Все случайно вышло, - попытался оправдаться сын.

- Учти, пускать в ход кулаки – последнее дело, тем более с девочками.

Петька поморгал белесыми ресницами, не нашел умных доводов, способных объяснить вчерашнее поведение, и потопал в класс. Объяснения Гаврюшкину-старшему были не нужны, посещение школы и пятиминутный воспитательный процесс отнял и так много времени у доктора физико-математических наук.

Первым уроком была литература. Учительница опрашивала тех, кто на предыдущем уроке не успел поразить ее декламацией стихов Сергея Есенина. Петька успел, поэтому мог отвлечься и обдумать создавшееся положение.

Во-первых, необходимо проверить существование телепатических способностей, во-вторых, и об этом ему стыдно было признаться даже самому себе, он хотел разобраться, какие ассоциации вызывает у него слово «любовь». Аксиныя сказала, что любовь пахнет полевыми цветами.

Вспомнив о вчерашней прогулке, Гаврюшкин непроизвольно повернул голову в сторону Швыревой и Крыловой. Клавдия листала под столом журнал мод, ее подруга сидела, подперев кулаком подбородок, и смотрела в окно. Утром Петр успел поздороваться с девушками, его возлюбленная впервые ответила ему и даже улыбнулась, а Акси что-то пробормотала и поспешила в столовку, увлекая за собой подругу. Впервые он заметил, что у Швыревой очень красивые глаза. Невероятно большие, как у инопланетных существ, изображенных в книгах. Слегка навывкате, но это не портит девушку. Если бы глаза были светло-серыми, то создавался эффект слепоты. У Аксины глаза необыкновенного цвета, как у выдержанного коньяка. А носик такой миленький, чуть вздернутый, словно его обладательница постоянно зазнается. Но Петя знал – Акси не такая, она добрая и внимательная. И с чего вдруг она вчера обозлилась на него? Наверное, ждала извинений за поведение в столовой, не дождалась и обиделась... Действительно, вышло некрасиво. Девочки стали посмешищем всей школы. Надо бы попросить прощения, но не хочется лишний раз напоминать о вчерашнем инциденте.

Гаврюшкин отвернулся от подруг, не удостоивших его взглядом, и задумался о... вкусе любви. Употреблять в пищу полевые цветы он не стремился, желая разобраться в их вкусовых свойствах, но многие делают салат из одуванчиков и считают его полезным. Петька ни за какие коврижки не станет употреблять в пищу этот бурьян.

Он несколько раз мысленно повторил слово «любовь», желая понять, какие ассоциации оно вызывает? Любовь – не морковь, любовь – не соленый огурец и даже не горький шоколад. Любовь... терпкая на вкус, как вино, которое он однажды пробовал при подстрекательстве своей двоюродной сестры – ровесницы Виолы, стащившей со стола два бокала вина во время застолья. Они расположились на диване в ее комнате, тянули красное вино и делали вид, что им очень нравится. Нравится быть взрослыми, нравится делиться тайнами, рассуждать о чувствах. А потом у Петьки начала кружиться голова и болеть живот. Он едва успел добежать до туалета.

Сейчас привкус того вина Гаврюшкин почувствовал во рту. Появилась горечь, от которой можно избавиться одним способом – зажевать чем-нибудь сладким. Петр сунул руку в карман и выудил оттуда ириску. Быстро развернул и отправил в рот.

Так всегда бывает – после первой безответной любви остается горечь разочарования, - подумал парень. – Чтобы избавиться от нее нужно заново влюбиться. Необязательно новое чувство будет приятным на вкус. Иногда чрезмерная сладость бывает хуже горечи.

А что значит сладость в отношениях? – Задумался он. - Это постоянные уси-пусси, лобзания-обнимания-признания. Когда все умные мысли испаряются, а в голове остается один вакуум, в котором выживают только сказочные птицы, поющие серенады о любви. Меня такое не устраивает! У мужчины всегда должна оставаться голова на плечах. Чувства – хорошо, это прекрасно, но мужчина обязан дать женщине не только свою любовь, но и безбедное существование. Даже если она ничего не требует.

Петька снова повернул голову в сторону Крыловой и Швыревой.

Аксинья точно ничего не потребует, - мысленно решил он. – А Клавдия? Ей не нужны признания, ей нужен мужчина, дары приносящий. – Неожиданно догадался Гаврюшкин. – Но она блондинка с длинными волосами! Я ее люблю и готов простить практичное отношение к жизни... Неужели Акси права, и я – сенестетик? Кое-что из перечисленных характеристик подходит мне, но кое-что нет. Те-ле-па-тия! Вот что станет последним доводом! Передача мыслей на расстоянии.

Сидя на первой парте у окна, Петр имел возможность внимательно изучить притихших одноклассников. Он решил выбрать объект для внушений. И не просто объект, а человека, который точно не сделает то, что он ему станет мысленно внушать. И пусть это будет самообман, но Гаврюшкину очень не хочется быть сенестетиком.

Он долго водил глазами по классу, останавливаясь на каждом ученике. Участие в эксперименте Крыловой и Швыревой он сразу отверг. Над Крыловой проводит опыты нельзя, а Швырева – лицо посвященное. Она может заметить его пронзительный взгляд, догадаться о причине, отправить обратный флюид и легко расшифровать молчаливый приказ.

Петя выбрал двоечника Япринцева, который прятался за спиной впереди сидящего одноклассника, чтобы учительница литературы о нем не вспомнила. Со своего места Гаврюшкин его хорошо видел. Он стал «сверлить» парня взглядом и посылать мысленные приказы. Нестор Япринцев заерзал и стал нервно озираться по сторонам, но Петр не отвел от него взгляда, даже когда тот заметил внимание с его стороны. Нестор поискал глазами защиты, не нашел, побарабанил пальцами по столу, затем пригладил волосы, засуетился, будто приготовился сорваться с места с первыми звуками звонка с урока. Потом сник, как подтаявшее мороженое, схватился за край стола, не желая поддаваться невидимой силе, которая его от стола отрывала, после чего выдохнул, причем выдох занял столько времени, что Гаврюшкин решил – сейчас Япринцев упадет без чувств. Но тот напротив, бойко соскочил с места и потрусил к учительнице, которая выбирала новую жертву. Молодая женщина удивленно на него посмотрела, как на реликтовое животное, способное изъясняться человеческим языком, выслушала сообщение, произнесенное ей на ухо, и громко заявила.

- Ребята! Нестор Япринцев хочет прочесть стихотворение собственного сочинения.

Ученики оторвались от личных дел и поглядели на одноклассника, у которого в журнале редко красовались тройки, не говоря уже о четверках и пятерках. Никто не проронил ни звука – настолько зашкалило изумление. Но гробовую тишину разорвал странный звук, похожий на падение мешка картофеля с высоты человеческого роста. Оказалось, Петр Гаврюшкин упал со стула и теперь никак не может на него взобраться. Водит вокруг руками, как незрячий, сосредоточив внимание на юном поэте, чей дар был неожиданно раскрыт.

Учительница укоризненно посмотрела на Гаврюшкина, но тот не отреагировал. Когда до него дошло, что вернуться в сидячее положение ему не удастся, он встал на четвереньки и двинулся в сторону Нестора, стоящего у доски подобно памятнику Пушкина работы скульптора Александра Опекушина, всем видом выражая потомку порицание. Петька благополучно дополз до «памятника» и стал по нему подниматься, превратив одну ногу Япринцева в канат. Нестор был долговязым парнем, когда главный шахматист школы

встал на ноги, он едва доставал тому до груди. По всей видимости, Гаврюшкин решил предостеречь Нестора от неожиданного поступка и стал что-то ему тихо внушать. Но поэт был уже в образе и на призывы низкорослого одноклассника не реагировал. Тогда Петр ухватил его за воротник рубашки и начал тянуть на себя. Действия увенчались успехом, Япринцев наклонился и внимательно выслушал. Затем резко дернул головой, выражая полное отрицание, и обреченно добавив: «Поздно!»

Тогда Гаврюшкин стек на пол, приткнулся спиной к стене, захватив в кольцо колени, и спрятал в них лицо, будто заранее предвидел чем закончится выступление.

- Нестор, ты не обманываешь, это, правда, твои стихи, а не Петра? – спросила учительница литературы, переводя взгляд с одного ученика на другого.

- Мои! – уверенно заявил Япринцев, принимая прежнюю позу.

Вскинул голову и произнес.

- Я один на всем белом свете,

У меня есть жена и дети,

Но никто об этом не знает,

Потому что один я на свете!

В классе повисла обманчивая зыбкая тишина, как перед надвигающейся бурей. Раскатистый гром не замедлил предупредить о следующей за ним по пятам стихии. Многоголосная стихия разразилась и слилась в едином звуковом порыве, желая достичь максимальных показателей громкости. Ученики катались по столам, кое-кто барабанил по столешнице, будто аккомпанировал завывающему хору, учительница покрылась красными пятнами и опустилась на стул, обхватив ладонями пылающие щеки. Она закусила губу, чтобы не стать очередным участником этого громкого хора. В сторону Нестора она не смотрела, чтобы окончательно не сдаться.

Япринцев умудрился втиснуть свой вопрос между раскатами истерического смеха.

- Вам не понравилось? – искреннее удивился он, почесывая затылок.

И вызвал новую волну веселья, превосходящую по разрушениям предыдущую. Тогда он широко улыбнулся, развел руками и потрусил на свое место.

Спасением был звонок с урока. Все понемногу успокоились и вытерли слезы.

Петр подошел к Аксинье Швыревой и пригласил выйти в коридор. Клавдия не удостоила парня взглядом, она поправляла макияж после бурного выражения эмоций.

- Акси, я – синестетик! – скорбно признался он. – Я только что убедился в своих телепатических способностях.

- Так это ты внушил Япринцеву прочесть стихи собственного сочинения? – догадалась девушка.

- Кто бы мог подумать, что он способен на такое, - печально вздохнул Гаврюшкин.

В это время из класса выскочил Нестор и налетел на пару беседующих одноклассников.

- Я хочу вам кое в чем признаться! – сообщил он и посмотрел на них безумными глазами.

- Нестор, ты меня извини... - начал Петр.

- Подожди, дай мне договорить, пока я не передумал, - отмахнулся от него непризнанный гений. - Я не собирался читать стихи. Скажу больше, не я их сочинил.

- А кто? – спросили одновременно Швырева и Гаврюшкин.

Нестор поозирался по сторонам, боясь быть услышанным главными весельчаками класса, обнял одноклассников за плечи, сдвигая в кучу, просунул между ними свою модно стриженую голову и доверительно прошептал.

- В меня вселился дух какого-то поэта.

Аксинья хмыкнула и вывернулась из тисков Япринцева.

- Ты мне не веришь? – напряженным голосом спросил он, еще теснее сплачиваясь с Петром.

Соратник Нестора решил выручить Швыреву и задал резонный вопрос.

- Этот поэт тебе представился? Или так, влез в твое нутро без спроса, не изволив себя назвать?

Акси надула щеки и издала хрюкающие звуки, но быстро взяла себя в руки, переключив внимание на посторонний предмет – одинокий кед сине-белого цвета, позабытый хозяином у окна. На ум пришли детские стихи Сергея Михалкова об упрямом Фоме, презревшем уговоры и по этой причине проглоченный аллигатором.

- Трусы и рубашка лежат на песке, никто не плывет по опасной реке, - изрекла она, не сводя взгляда с беспарной спортивной обуви.

- И в тебя тоже... вселился? – впечатлился ее декламацией Япринцев, отступая на шаг и едва не заваливая на пол Петьку. – Неужели это заразно?

- Все может быть, - безразличным голосом произнесла девушка. – Но ты не ответил, кто из поэтов вселился в тебя?

- А в тебя?

- В меня Сергей Михалков! – уверенно заявила она.

- Это который написал «Дядю Степу»? – спросил Нестор. Акси в ответ кивнула. – Повезло тебе! – протянул он с завистью. – Хороший поэт! Не то, что у меня...

-Имя, брат, имя! – взмолилась «сестра», покосилась на приунывшего Гаврюшкина и незаметно подмигнула.

- Этот... как его... Луначарский! – выдал «начитанный» Япринцев.

- Первый нарком просвещения? – серьезным тоном поинтересовалась Швырева.

- Он был еще писателем, переводчиком и критиком, - вмешался в их диалог Петр.

- А поэтом? – нахмурился Нестор.

- Насколько я знаю, поэтом Анатолий Луначарский не был, - ответил обладатель энциклопедических знаний Гаврюшкин.

- То-то я смотрю, стихи получились нескладные, - осуждающе покачал головой парень.

- Переключись на прозу, - посоветовала Аксинья, едва сдерживаясь от смеха.

«Пораженный недугом» молодой человек повернулся к Петьке, как к последней инстанции.

- Прислушайся к словам Акси, она плохого не посоветует, - промямлил тот.

- Не хочется, но другого выхода я не вижу, - подвел итог дискуссии Нестор и вернулся в класс, где его встретили звонким смехом.

- Что не случается, все к лучшему, - констатировал Петр, - хотя бы что-то заинтересует Япринцева, кроме неумелого брэнчания на гитаре и гонок на скутере.

- А что ты говорил насчет моих советов? - вспомнила девушка. – Акси плохого не посоветует! – передразнила она приятеля.

- Я могу это повторить. – сказал он, догадываясь, на что та намекает.

Он исподтишка любовался ею. Ее глазами цвета выдержанного коньяка, ее «гуляющими» по лбу изогнутыми бровями, остро реагирующими на смену эмоций, складками возле губ, когда она улыбается, жестикуляцией, которой она сопровождает свою речь. Чем сильнее ее недовольство, тем, как ни странно, она менее темпераментна. Указательный палец прикладывается к уголку губ, будто его обладательница промахнулась, на самом деле она призывает к молчанию. Это происходит, когда эмоциональная девушка высказала свою точку зрения и теперь терпеливо ждет ответа оппонента.

И почему он раньше не замечал этих милых движений, свойственных только ей – Аксинье Швыревой - крохотной девчужке с завидным мышлением умудренного опытом взрослого человека?

Петр пытался сосредоточиться на необыкновенных глазах девушки, но непроизвольно смещал взгляд на короткие русые волосы. Парень не мог представить ее блондинкой, как ни старался.

Натуральная блондинка с длинными волосами - наваждение Гаврюшкина. И пусть он остается синестетиком. Акси говорила, что это не болезнь, значит, он будет с этим жить дальше.

- И почему ты молчишь? – вмешалась в его размышления подруга.

- Ты права. Мне нужно переключиться на девушку с высоким интеллектом. - он озвучил совсем не тот вывод, к которому мысленно пришел. Но отчеканил каждое слово, будто заучивал наизусть данную установку.

- Молодец! – похвалила его Аксинья.

Из класса показалась Крылова и... зазубренная речевка сама собой забылась. Петька навесил на уста глупую улыбку. На всем свете была только она – девушка с белокурыми длинными волосами, в которые хотелось зарыться и вдыхать тонкий аромат терпкого вина...

* * *

В течении всех пяти лет учебы на физико-математическом факультете Петр Гаврюшкин мысленно рисовал идеальный образ женщины, прибавляя и прибавляя к нему новые черты.

Если к волосам Клавдии прибавить глаза и ум Аксиньи; родинку на щеке сокурсницы Аллы; фигуру Вики - девушки с параллельного потока; улыбку соседки по лестничной клетке Лидии; умение сварить «суп из топора» двоюродной сестры Виолы; красивые длинные пальцы той пианистки, на концерте которой он недавно был и сидел в первом ряду; журчащий голос девицы, которая каждое утро ездит с ним в одном автобусе вместе с молчаливой подругой; доброту и умение любить главной женщины в жизни Пети – его матери, то получится женский идеал, которому Гаврюшкин готов признаться в высоком чувстве, не задумываясь о последствиях и не страшась выглядеть смешным.

Пока он такую девушку не встретил. Но любовь к блондинкам не ушла, она всего лишь спряталась где-то на подкорках мозга и ждала своего часа.

На радость Петра на его факультете блондинок не было. На их курсе девушек было мало, а к выпуску осталось всего две, да и те были похожи на старушек, стоящих у смертного одра. И не мудрено - учеба на «мужском» факультете давалась им нелегко.

После затянувшихся майских праздников Гаврюшкин вернулся к дипломной работе. Оставалось внести кое-какие коррективы согласно требованиям руководителя, пройти предзащиту и набраться сил перед последним рывком – защитой дипломной работы, после чего он станет дипломированным специалистом, который продолжит обучение в аспирантуре.

Петра отвлек телефонный звонок. Стационарный телефон разрывался в гостиную, на его трезвон никто не реагировал. Аппарат оборвал трель, словно внезапно умер от накопившейся усталости. Парень облегченно вздохнул. Но не тут-то было – телефон завопил вновь.

- Ма...ам, звонят! – занудно протянул Гаврюшкин, но быстро вспомнил, что он дома один.

С трудом оторвался от стула и побрел в гостиную.

- Слушаю! – недовольно буркнул он в трубку.

- Петя? – спросили на том конце провода.

- Аксинья? – тем же тоном поинтересовался Гаврюшкин.

- Узнал! – счастливо заключила девушка. – Столько лет прошло!

- Пять! – быстро сосчитал математик.

- По этому поводу и звоню, - переключилась на деловой тон Швырева. – Сколько раз я тебя приглашала на встречу выпускников, а ты каждый раз отказывался. Учти, в этот раз я с тебя не слезу.

- В этот раз я тем более не приду, у меня на носу защита диплома! – нашелся парень. – И почему вы решили собраться сейчас, лучше бы летом, когда все дела были позади.

- Летом, вообще, никого не соберешь! А ты снова ищешь причину, - вздохнула она. – Петь, я очень хочу тебя увидеть. За все пять лет ни разу не встретились. Ты переехал в другой район, подальше от нас, - с обидой в голосе добавила Акси.
 - Мы давно хотели поменять старую квартиру на квартиру в центре, отцу на работу ближе, и мне на учебу всего три остановки.
 - А мне показалось, ты специально спрятался от всех.
 - Я не прятался, - конфузливо пролепетал парень, – а как ты узнала мой номер телефона?
 - Чудной ты, Петька! Из справочника, откуда же еще!
 - А-а-а, - протянул он.
 - Так ты категорически отказываешься?.. Клава обещала прийти, - привела она веский аргумент. – Она все еще не замужем. В прошлом году окончила свой библиотечный институт. Думаю, она будет рада с тобой встретиться.
 - Я не приду! – уверенно заявил Гаврюшкин и неожиданно признался. – Не хочу опять стать синестетиком.
 - Неужели за все пять лет на твоём пути не появилась еще одна блондинка? – удивилась Акси.
 - Представь себе...
 - Ты изменился?
 - Что ты имеешь в виду? Если внутренне, то нет. А внешне я такой же рыжик с лопухими ушами, только росту прибавилось. Я на два сантиметра перерос отца! – с гордостью сообщил он.
 - Да, ладно! – не поверила школьная подруга. – Хочу убедиться!
 - Когда-нибудь убедишься, - пространно пообещал Петр. – Дай мне номер своего мобильного, я перезвоню тебе после защиты диплома.
 - А когда случится сие важное событие?
 - В конце июня.
 - Вряд ли я смогу с тобой увидеться, - грустно заметила она.
 - Уезжаешь в какую-то Тмутаракань учить оболтусов русскому языку и литературе?
 - Петька, я рожать собираюсь в июне! – радостно сообщила она.
 - Да, ладно! – в точности повторил ее фразу Гаврюшкин. - Ты... замужем?
 - Уже год!
 - И кто твой избранник?
 - Ты не поверишь, но это... Нестор Япринцев. Он учится на моем филфаке, только на заочном отделении и работает в журнале «Огни вечернего города».
 - Вот это новость! – восхитился Петя. – Не ожидал!
 - Не все же мне тебя ждать.
 - А... причем здесь я?
 - Я всегда говорила, что ты, Петька, дурак, хоть, и умный! – возмутилась будущая мать. – Неужели ты так и не догадался, что я была в тебя влюблена с пятого класса!
 - Н...не догадался, - заикаясь, произнес Гаврюшкин, перекладывая телефонную трубку из вспотевшей руки в другую руку, которая была почему-то ледяной.
 - Ладно, не будем поминать прошлое. Может и к лучшему, что все так сложилось. Я люблю своего мужа, он обожает меня, мы с нетерпением ждем рождения малыша. У меня будет сын! Я хочу назвать его Петей. Пусть он будет таким же наивным и доверчивым, как ты. Подобные люди – такая редкость в наше время.
 - Спасибо! – поблагодарил ее друг детства, не сообразив, за что именно: за имя, которое будет носить сын Аксины и Нестора, или за комплимент?
 - Надеюсь, наши жизненные пути пересекутся еще раз?
 - Если судьбе будет угодно, - добавил Гаврюшкин и положил трубку.
- Походил по комнате, меряя ее большими шагами и протянул.

- Дела-а-а. Петр Нестерович Япринцев... Сын Аксины...

Защита дипломной работы прошла на «ура». Гаврюшкина так хвалили, словно он получил нобелевскую премию по математике, которую ввели специально для него. Известно, что никогда ранее подобных премий не вручали по приказу самого Нобеля.

Напряжение последних дней отступило. Петр вышел из здания университета, достал из кармана мобильный телефон, чтобы порадовать мать – отец на защите присутствовал лично и даже задал каверзный вопрос, Но находчивый сын быстро нашел ответ, чем порадовал профессора, которые еще утром за завтраком обещал молчать, как рыба.

Внезапно ноги счастливого молодого человека стали пластилиновыми, а тело тяжелым, как тесто, перенасыщенное мукой. В глазах потемнело, здание, прохожие и приبلудная собака завертелись в хороводе, в центре которого стоял дипломированный специалист.

Гаврюшкин пошатнулся и попытался вырваться из круга. Сделал несколько неуверенных шагов назад, нашел опору в виде стены здания и медленно съехал по ней.

Петр очнулся от тряски. Он чувствовал себя младенцем, лежащим в коляске, которую везут по брусчатке. С трудом разлепил тяжелые веки и увидел размытое лицо.

- Ой, очнулся! – радостно сообщил звонкий девичий голос.

- Петечка, сынок, как ты меня напугал, - услышал Гаврюшкин возбужденное причитание отца.

Впервые он был Петечкой, а не привычным Петром. И впервые отцу изменила привычная сдержанность.

- Все... нормально, - проскрипел парень, желая успокоить родителя.- Простое переутомление.

- Мама уже едет в больницу! – сообщил он уже привычным сухим тоном.

- А мы... где? – спросил Петька.

- Мы в машине скорой помощи! – доложила девушка, сидящая рядом с отцом.

Туман улетучился, и теперь Гаврюшкин отчетливо ее видел.

- Вы кто?

- Меня зовут Нина. Я фельдшер.

Петр с интересом ее рассматривал. Он не пытался понять, какого цвета и длины у нее волосы, какие у нее глаза и улыбка. Он просто любовался ею и дегустировал, как вино. Пил маленькими глотками, не отрываясь.

А в сердце засела заноза. Петька приложил ладонь к груди, желая убедиться, так ли это на самом деле. Но глаз от девушки не отвел, чтобы она не исчезла.

- Нина... - прошептал он и провалился в забытие.

Гаврюшкин вновь пришел в себя, когда его на носилках выгружали из машины скорой помощи. Фельдшер Нина стояла рядом и с сочувствием смотрела на него. Петр на ходу схватил ее за руку и потребовал.

- Если вы не придете меня навестить, я умру на пороге счастья!

Отец и неизвестно откуда появившаяся мать, разом повернулись к девушке.

- Я приду, - пообещала она. – На пороге счастья умирать нельзя, надо узнать, какое оно – счастье.

Родители расчувствовались. Неожиданно мать поцеловала ее в щеку, произнесла слова благодарности, будто, действительно, считала, что жизнь ее единственного сына находится в руках этой милой девушки. А отец благодарно кивнул и сжал руку...

Нина появилась в палате Гаврюшкина на следующее утро и извинилась, что раньше прийти не могла – только что сменилась с дежурства. Она принесла бордовую черешню, как показалось Петру пахнущую полевыми цветами.

- Нина! – без перехода заявил парень, - я тебя люблю и хочу стать твоим мужем.

- Вы хотите, чтобы я стала Вашей женой? – уточнила девушка. – А вдруг я уже замужем?

- Замужем? – в голосе Петра было столько трагизма, а на лице такая гримаса ужаса, что она поспешила успокоить.
- Я не замужем... Но Вы меня совсем не знаете.
- Для того, чтобы узнать женщину, надо прожить в ней долгую жизнь! – философски изрек Гаврюшкин. – И я не уверен, что я изучу тебя досконально.
- Я...
- Только не отказывай!
- Я не отказываю, я хочу подумать.
- Месяца тебе будет достаточно?
- А как Вы себя чувствуете? – вопросом на вопрос ответила девушка.
- Как ТЫ себя чувствуешь? – поправил ее парень.
- Как ты себя чувствуешь? – улыбнулась она.
- И в палату заглянуло солнце. Его луч скользнул по веснушчатому лицу Гаврюшкина и перескочил на задумчивое лицо девушки, словно соединил их.
- Я чувствую себя великолепно!
- Они не заметили, как за разговорами пролетели два часа. Перед уходом Нина пообещала прийти завтра.
- Когда дверь за ней закрылась, Петька позвонил матери и сказал.
- Mam, я кажется... женюсь.
- Неужели для того, чтобы вырваться из юношеских грез, надо было потерять сознание и попасть в больницу! – попеняла она.
- А вдруг я бы не потерял сознание!? Или потерял, но за мной бы приехала другая машина скорой помощи!? – ужаснулся сын.
- От судьбы не уйдешь!
- Mam, - доверительным голосом начал Гаврюшкин, - вчера я понял одну вещь – идеальные женщины существуют, причем у каждого мужчины свой идеал. И пусть другим бросаются в глаза проблемы с лишним весом твоей избранницы или косолапая походка, чужое мнение влюбленного мужчину не интересует. Он любит ее всю, не выделяя детали! Это его выбор!
- На вкус и цвет, товарищей нет. – заключила мать. – И поверь, я всегда буду уважать твой выбор и никогда не стану лезть с советами.
- Я знаю... И я тебя очень люблю...

октябрь 2012года
г. Ростов-на-Дону